

Кир Мален

ЗАСТЫВШИЙ СВЕТ

Кир Мален
Застывший свет

«Автор»

2026

Мален К.

Застывший свет / К. Мален — «Автор», 2026

Москва, 1900 год. Во флигеле княжеской усадьбы находят обугленное тело молодой женщины. Полиция говорит: несчастный случай. Князь нанимает частного дознавателя Алексея Корнилова, чтобы замять дело. Но Корнилов ищет правду, а не честь семьи. Шаг за шагом он погружается в двойную жизнь погибшей: богемные вечера, тайные снимки, хитровские притоны. И всё указывает на то, что убийца — тот, кто платит. Но цена правды окажется выше гонорара. Атмосферный исторический детектив о долге, мести и паутине прошлого. Интеллектуальный детектив с финалом, который не даст уснуть.

© Мален К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел на Покровке	5
Глава 2. Старая няня молчит	8
Глава 3. Улика	12
Глава 4. Тайные негативы	16
Глава 5. Студент и сарай	19
Глава 6. Кокотка, которая боится	23
Глава 7. Балтийский немец	27
Глава 8. Алтарь и камера	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кир Мален

Застывший свет

Глава 1. Пепел на Покровке

Крик поднялся около трёх часов ночи. Дворник Серпеевых, старый Егор, первым заметил пламя - флигель горел ровным, сильным пламенем, занялся сразу, пошёл высоко. Егор забарабанил в ставни главного дома, охрип. Из парадного выскочил лакей в шинели, накинутой на плечи, за ним - сам князь, в халате, без трости. Огонь уже лизал карнизы, и снег вокруг флигеля таял, обнажая чёрную землю.

Примчалась пожарная команда с Мясницкой части. Лошади храпели, пар валил из ноздрей. Зеваки, закутанные в тулупы, крестились и шептались. Полицейский надзиратель записывал что-то в книжечку, но пальцы не слушались - мороз стоял под двадцать.

Тушили почти два часа. Вода шипела на углях, доски лопались с сухим треском. Флигель выгорел дотла - от деревянного сруба остались обугленные венцы да покосившаяся печная труба. Пожарный урядник, вытирая сажу с лица, бросил через плечо: «Хорошо, ветра не было. Ушло бы на главный дом». Запах гари и мокрой золы стоял над Покровкой. Когда удалось войти, околоточный Завьялов первым наткнулся на тело. Оно лежало у восточной стены, скрюченное, чёрное. Женщина.

- Керосинка, - сказал Завьялов, прикрывая нос платком. - Лампа опрокинулась на занавеску. Обычное дело.

Пожарные угрюмо кивнули. Спорить с полицией не их забота. Тело накрыли рогожей и оставили до приезда судебного следователя. К утру всё было кончено: протокол составлен, свидетели опрошены, флигель оцеплен. Московские газеты уже готовили заметку о «трагической случайности в доме князя Серпеева».

Алексей Корнилов узнал о пожаре в начале восьмого. В его дверь постучали - коротко, полакейски. Он открыл. На пороге стоял человек лет сорока, в сюртуке с гербовыми пуговицами - серебряный щит с тремя лилиями. Ливреи не было, но выправка выдавала потомственного слугу. Лакей протянул запечатанный конверт. Корнилов взломал печать. Записка - дорогая бумага, твёрдый почерк: «Милостивый государь Алексей Васильевич. Прошу Вас пожаловать в усадьбу на Покровке немедленно. Дело касается гибели внучки. Серпеев».

- Экипаж ждёт, - добавил лакей.

Корнилов молча кивнул. Оделся, проверил портсигар. Вышел. Снег сухо хрустел под ногами. Извозчик, ожидавший у подъезда, хлестнул вожжами, едва они уселись. Пролётка дёрнулась и покатила по Мясницкой, мимо ещё тёмных витрин и сонных дворников.

Усадьба Серпеевых пряталась в глубине Покровки, за высокой оградой с чугунными завитками. Главный дом - ампирный особняк с колоннами, пожухлый от времени, но ещё крепкий. Князь принял Корнилова в кабинете на первом этаже. Ставни были прикрыты неплотно, утренний свет едва просачивался - только узкая полоса легла на ковёр, выхватив корешки книг. Пахло воском, старыми книгами и едва уловимо - гарью.

Князь Серпеев сидел в кресле у холодного камина. Сухой старик с жёлтым лицом. Глаза - водянисто-голубые, смотрели не мигая, чуть прищурившись. Одет в домашний сюртук из тёмного сукна, на указательном пальце - перстень с сапфиром. На столике у локтя - нетронутый стакан чая.

- Благодарю, что приехали без промедления, - сказал Серпеев. Голос глухой, без интонаций. - Садитесь.

Корнилов сел в кресло напротив, расстегнул воротник. Лакей исчез.

- Внучка, Елизавета, - продолжил князь. - Двадцать четыре года. Вчера ночью случился пожар во флигеле. Вы, вероятно, читали в газетах.

- Ещё не успел.

- Тем лучше. Мнение газетчиков меня не интересует. Мнение полиции - тоже. - Серпеев шевельнул пальцем, и перстень тускло блеснул. - Полиция уже всё установила: лампа, занавеска, трагическая случайность. Я не верю. Не верю во все эти случайности. Елизавета была... - он замолчал на секунду, - слишком осторожна. Она знала, что делает. И я хочу знать, что именно случилось. По-настоящему.

- Вы подозреваете поджог? - спросил Корнилов.

- Я подозреваю людей. - Князь подался вперёд. - Мои люди могли что-то проглядеть. Околоточный мог что-то не записать. Вы же, говорят, умеете видеть то, что другие пропускают.

- Говорят.

- Не скромничайте. Я слышал о вас. Вы были следователем судебной палаты. Ушли после дела, где фигурировал родственник губернатора. Ушли, но не сломались. Такие люди мне нужны.

Корнилов чуть усмехнулся уголком рта.

- Я частное лицо, ваше сиятельство. Частные лица работают за гонорар.

Серпеев не обиделся.

- Я готов заплатить. Пятьсот рублей аванса. Ещё тысяча - по завершении. И премия, если найдёте ответ раньше Рождества.

Сумма была огромной. Вдвое больше годового жалования следователя. Корнилов выдержал паузу. Достал портсигар, повертел в пальцах.

- А если я найду ответ, который вам не понравится?

- Мне нужна правда. - Лицо князя осталось неподвижным.

- Всем нужна правда, - тихо сказал Корнилов. - До тех пор, пока она не оказывается на столе.

Князь сделал вид, что не услышал. Пододвинул по столу конверт. Корнилов не взял.

- Я хочу осмотреть флигель. Сейчас.

- Там ещё ничего не убрали.

- Тем лучше.

Они вышли через боковую дверь во двор. Князь шагал впереди, опираясь на трость. Корнилов - на полшага сзади. Утренний свет пробивался сквозь снежную пелену. Флигель стоял чёрным скелетом, припорошённым сверху. Воздух здесь был густым от влажной золы и приторного духа палёной плоти. Полицейский пост топтался у входа, но перед князем расступился.

- Нашли что-нибудь? - спросил Корнилов, перешагивая через обугленную балку.

Околоточный Завьялов нарисовался из-за остова печи. Тот самый, что ночью констатировал «обычное дело».

- Только то, что записано. Тело у стены, под слоем угля. Лампу нашли - она была у ног.

- Медная или жестяная?

Завьялов поморгал.

- Жестяная, кажется. Да какая разница?

- Если медная, она бы расплавилась. Если жестяная - прогорела бы насквозь. По запаху не определили?

Околоточный нахмурился. Корнилов отошёл к тому месту, где, судя по расположению, стоял до пожара рабочий стол Елизаветы. Среди головешек он увидел спёкшийся ком - остатки фотопластинок. Стекло лопнуло от жара, эмульсия пузырилась и почернела. Он наклонился, но трогать не стал.

- Кто первым вошёл?

- Я, - буркнул Завьялов. - Тело трогали только санитары.

- Окно было разбито до пожара или после?

- Стёкла выбило жаром. Сами посудите - пламя стояло до потолка.

Корнилов походил ещё минуту. Заметил в углу остатки жестяного бидона - в таких держат керосин для ламп. Под ним - круглое тёмное пятно, почти не тронутое огнём. Словно жидкость пролилась и впиталась в доски до того, как всё запылало. Он провёл пальцем по копоти, понюхал. Запах керосина чувствовался отчётливо. Присел, всмотрелся. Пробки от бидона не было - ни рядом, ни в золе.

Корнилов выпрямился, отряхнул колено.

- Ваше сиятельство, - позвал он. - Кто приносил сюда керосин в последние дни?

- Ключница, полагаю. Или сама Елизавета.

Корнилов больше не спрашивал. Выпрямился, достал платок, вытер пальцы.

- Я возьмусь за это дело, - сказал он. - Аванс оставьте пока у себя.

Серпеев поднял бровь. Никто не отказывался от денег вперёд. Но промолчал.

Они вернулись в дом через ту же дверь. Корнилов попрощался у порога. Лакей стоял навытяжку, пуговицы блестели тусклым серебром. Корнилов вышел на улицу один, без провожатых. Пролётка ждала, но он пошёл пешком. Снег снова повалил - крупными хлопьями, укрывая и обугленный сруб, и чугунную ограду, и запах, который ещё долго не хотел выветриваться.

«Несчастный случай, - думал Корнилов, сунув руки в карманы. - С жестяной лампой, которая не прогорела. С бидоном керосина, которого было явно больше, чем для одной лампы, да ещё без пробки. И с умершей, чья осторожность не спасла ни её, ни негативы».

На Мясницкой он замедлил шаг у витрины фотомастерской Кадомцева. За стеклом темнел манекен в сюртуке, рядом - картонка с надписью «Светопись в любую погоду». Там работал Кадомцев - цирковой фотограф, одноногий ветеран, с которым судьба свела ещё в Севастополе. Он наверняка уже прочитал газеты и теперь ждал подробностей - не из любопытства, а из любви к чужой беде.

«Расскажу позже, - решил Корнилов. - Когда будет что рассказывать».

Он вспомнил лицо князя - спокойное, как шахматная доска после проигранной партии. И дорогой сапфир на пальце. И запах гари, который не мог перебить даже воск и старые книги.

За спиной скрипнули ворота. Корнилов не обернулся. Он знал: достаточно надавить на «трагическую случайность» - и она треснет.

А снег всё шёл. Москва накрывалась декабрьской тишиной. В ней, как в керосиновом пятне на полу, таилось больше вопросов, чем ответов.

Глава 2. Старая няня молчит

Глава 2. Старая няня молчит

Корнилов вернулся в усадьбу к девяти утра, когда полицейский пост уже сменился. Новый городской - молодой, с обмороженными ушами - попытался преградить путь. Корнилов показал записку князя. Городовой наморщил лоб, пошевелил губами, но отступил.

Двор был пуст. Снег сухо хрустел под ногами. У чёрного остова флигеля топталась какая-то фигура - не то кухарка, не то приживалка. Корнилов направился к ней, но женщина, слышав шаги, скрылась за углом.

«Боятся, - отметил он. - Уже хорошо. Боязливые проговариваются первыми».

Он вошёл через чёрный ход. В доме пахло кислой капустой и ладаном - кухня и семейная молельня дышали вперемешку. Где-то в глубине коридора тикали напольные часы. Узкий проход вывел Корнилова к лестнице. Деревянные ступени скрипели - у каждой свой звук, разной.

Наверху, у перил, кто-то стоял.

- Вам кого, ваше благородие? - голос старушечий, но не дребезжащий, а глухой. С таким голосом выпевают покойников.

Корнилов поднял голову.

Анна Васильевна - няня. Росту небольшого, едва доставала до перил. Лицо в мелких морщинах, глаза маленькие, живые. Лет семьдесят, если не больше. Руки сложены на животе в замок.

- Корнилов. Алексей Васильевич. Князь пригласил осмотреть флигель и поговорить с домашними.

- Со мной-то о чём? - Она чуть склонила голову, разглядывая его. - Я старая. Я ничего не знаю.

- Старые знают больше всех. - Корнилов начал подниматься. - Но рассказывают меньше. Это я уже понял.

Старуха хмыкнула. Платок на плечах дрогнул.

- Вы курите?

- Курю.

- Вот и курите. А ко мне не ходите. Я вам не помогу.

Она развернулась и пошла прочь - прямая, шаг ровный, без старческой шаркающей походки. Половица под Корниловым скрипнула, но Анна Васильевна не обернулась. Дверь в её комнату закрылась без звука - свежесмазанная, с новой задвижкой.

«Интересно, - подумал Корнилов. - От кого запирается старая няня в доме, где живёт сорок лет?»

Он не стал настаивать. Спустился. Прошёл через кухню. Кухарка - толстая баба с красными руками - держала мёрзлого цыплёнка и делала вид, что ощипывает, хотя цыплёнок был уже голый, синюшный. При появлении постороннего она опустила глаза и принялась тереть птицу тряпичкой. Тёрла старательно, молча. Где-то в углу тикали вторые часы - кухонные, попроще.

Корнилов вышел во двор. Теперь к флигелю.

Утренний осмотр при свечах и торопливом полицейском - одно. Дневной, в одиночестве - совсем другое. Корнилов обошёл пепелище по кругу. Западная стена выгорела сильнее восточной. Керосиновая лампа, если верить официальной версии, стояла у восточной стены, где нашли тело. Огонь должен был идти оттуда. Но сильнее всего обуглился западный угол - тот, где стоял рабочий стол с фотопластинками.

- Если лампа опрокинулась у восточной стены, - сказал Корнилов вслух, - почему выгорел западный угол?

Он вошёл внутрь. Под ногами - обугленные доски и битое стекло. Провёл пальцем по обгорелой балке. Запах гари, мокрой золы - и что-то химическое. Бром. Эфир. Остатки эмульсии с фотопластинок - бромосеребряная смесь при горении даёт резкий привкус во рту, металлический, как если лизнуть старую монету.

Корнилов присел у того места, где вчера заметил спёкшийся ком негативов. Сейчас ком рассыпался - то ли от мороза, то ли кто-то трогал.

«Завьялов, - подумал он. - Или сменивший его городской. Любопытство или чей-то приказ?»

Осторожно разгрёб пепел носком сапога. Под слоем золы - металлическая пластинка. Рамка от фотокассеты. Деревянная часть сгорела, металлические уголки уцелели. И ещё - кусочек стекла с оплавленным краем. Не оконное. Слишком тонкое, ровное. Часть фотопластинки.

Корнилов достал платок, завернул находки. Поднялся.

Сколько горел флигель? Пожарные прибыли около трёх, тушили два часа. Но когда начался пожар? Егор-дворник заметил пламя около трёх. К тому моменту флигель уже пылал всюду. Значит, горел минимум полчаса, а то и час. Деревянный сруб горит быстро, но не настолько. Чтобы выгореть за час-полтора, нужно что-то, подгоняющее пламя. Керосин из бидона - возможно. Но бидон стоял у входа. А выгорел западный угол.

- Ключница, - сказал Корнилов.

Он вернулся в дом. Нашёл комнату ключницы - каморку у кухни. Женщина лет пятидесяти, губы поджаты в тонкую линию. Представилась Агафьей. На стене тикали ходики.

- Керосин для флигеля кто носил?

- Я носила. - Голос ровный, но пальцы сцепила под фартуком. - Раз в три дня. Барышня много занималась, лампа горела допоздна.

- В последний раз когда?

- Семнадцатого. За день до... - запнулась.

- Бидон был полный?

- Да. Только что от лавочника.

- А пробка? - Корнилов смотрел ей в глаза. - Пробка была?

Агафья моргнула. На лбу выступила испарина.

- Была. Как не быть.

- Во флигеле пробки не нашли.

Женщина молчала. Потом разлепила губы:

- Стало быть, барышня выбросила. Или потерялась.

- Или кто-то её снял, когда наливал керосин. - Корнилов говорил тихо, почти лениво. - Кто-то, кто не хотел, чтобы бидон закрыли, если придётся тушить.

Агафья отшатнулась, перекрестилась на образа. Ни слова больше.

Корнилов вышел. В кармане позвякивали находки - рамка, осколок. Он перебирал их пальцами. Пробка. Маленькая жестяная пробка. Если её найдут - появится первая нить. А если не найдут - значит, убийца не дурак. Но даже не дураки ошибаются. Этот оставил бидон открытым. Торопился. Или нервничал. Или и то, и другое.

К полудню приехал Кадр. Корнилов отправил за ним извозчика. Аркадий Кадомцев выбрался из саней грузно - треногу пришлось вытаскивать вдвоём. Но лицо у него было довольным. Он привёз с собой громоздкую камеру и кофр с кассетами.

- Снимать пепелище? - Кадр оглядел обугленные венцы. - Лёша, ты меня балуешь.

- Снимать всё, что найдём. Мне нужно, чтобы ты посмотрел... как умеешь.

- Как умею - это за обед. - Кадр уже устанавливал треногу. - В трактире у Лопашова. Со щами и графином. Там щи - горячие, с мозгами. Я в цирке такие ел после представлений.

Корнилов не ответил. Он смотрел, как Кадр возится с камерой. Пальцы у фотографа были длинные, чуткие - работал он быстро и точно.

Они провели во флигеле больше часа. Кадр отснял стены, пол, место, где нашли тело. Задержался над остатками фотопластинок.

- Броможелатин, - сказал он, разглядывая оплавленный кусочек. - Чувствительность высокая. Если пластинки лежали здесь, при горении эмульсия пузырилась и выделяла эфир. А эфир, Лёша, горит - дай боже. Добавь керосина - и вот тебе факел.

- Значит, пожар мог идти от пластинок?

- Мог. Но кто-то должен был поднести огонь. Либо лампа, либо спичка.

Корнилов показал Кадру находки - рамку от кассеты, осколок. Кадр повертел их, хмыкнул.

- Это снимали в тот вечер. Кассета в аппарате была. Когда огонь дошёл до стола, пластинки лопнули. Но рамка уцелела. Можно попробовать определить, что на них было.

- Как?

- По эмульсионному следу. Если что-то осталось. - Кадр завернул находки в чёрную бумагу. - Я проявлю в лаборатории. Или попробую.

Из дома вышла Агафья. Несла поднос с двумя стаканами чая. Поставила на обгорелое крыльцо и тут же ушла. Кадр взял стакан, понюхал.

- С малиной. Чего это они такие любезные?

- Боятся.

- Чего?

- Что я найду то, что они прячут.

Кадр отхлебнул. Посмотрел на дом, на окна - тёмные, слепые.

- И что ты уже нашёл?

Корнилов помедлил. Достал портсигар. Закурил.

- Флигель сгорел быстро. Бидон с керосином был открыт. Пробки нет. Ключница врёт. Няня запирается на новую задвижку. Младший брат не вышел к завтраку - торчит во дворе, смотрит волком. Князь платит полторы тысячи за правду. И никто в этом доме не плакал.

- Кроме няни? - спросил Кадр.

- Няня молчит.

Кадр допил чай. Осторожно поставил стакан на поднос. Затянул ремень кофра.

- Знаешь, я в цирке работал с пиротехниками. Они из пакли и магнезия делали адское пламя за три секунды. Если твой флигель горел час - это тоже пиротехник. Или тот, кто понимает в огне больше, чем хозяйка керосиновой лампы.

Корнилов выпустил дым.

- Значит, поджог был заказным. Человек со стороны. Кому-то в этом доме понадобилась чужая рука.

Кадр пожал плечами:

- Или чужая голова.

- Голова без руки - ничто. Рука без головы - опасна. Найду руку - выйду на голову. Пока неясно, на чью.

Кадр покачал головой:

- Не говори «в этом доме». Говори «кто-то». Пока не доказано - «кто-то».

- Хорошо. Пусть будет «кто-то». - Корнилов бросил окурок в снег. - Но этот «кто-то» знал, что Елизавета будет во флигеле одна. Без прислуги. Без свидетелей.

- Любовник?

- Любовник мог прийти и уйти. Не поджигая.

- Тогда тот, кому она мешала.

- Или тот, кого она разоблачила.

Они вышли за ограду. Снег прекратился, но стояла та особенная декабрьская тишина, когда даже собственное дыхание кажется громким. Мороз щипал щёки. Городовой с обмороженными ушами топтался у ворот, хлопал рукавицами.

Кадр погрузил камеру в сани. Обернулся.

- Вечером буду в лаборатории. Приходи - покажу, что получилось с негативами.

- Если получится.

- Получится. - Кадр уже залезал в сани, перебрасывая деревяшку через борт. - Я одноногий, но не одноглазый.

Сани тронулись. Корнилов остался стоять у ворот. Из дома на него смотрели - он чувствовал этот взгляд спиной. Может, няня. Может, князь. Может, кто-то третий. Стукнула входная дверь - или показалось.

Корнилов повернулся и пошёл к центру. Нужно было зайти в Верхние торговые ряды - купить свежих пластинок для Кадра. И заодно подумать. Мыслей хватало, но все они сводились к одному образу: маленькая жестяная пробка в пальцах - тех пальцах, что плеснули керосин и чиркнули спичкой. Убийца торопился. Оставил бидон открытым.

Корнилов сунул руки в карманы. Сквозь сукно пальто пробрался мороз. Слова Кадра вертелись в голове: «пиротехник», «кто-то».

Пиротехник, который боится, - это уже не профессионал. Профессионал не оставляет жестянку на пепелище. Профессионал не льёт керосин так, что пожарные удивляются скорости огня. Профессионал делает так, чтобы смерть выглядела случайной.

А этот хотел сделать случайность - а сделал улику.

Глава 3. Улика

Глава 3. Улика

Верхние торговые ряды встретили Корнилова запахом сукна, кожи и нагретого чугуна. Галерея гудела - голоса отражались от каменных сводов, каблуки отстукивали по плитам, где-то позади дребезжало стекло витрины. Корнилов прошёл мимо москательного ряда, мимо лавки с бронзой, свернул в фотографический отдел. Хозяин - узкоплечий господин в пенсне - принял было рекомендовать новые кассеты с броможелатиновым покрытием, но Корнилов молча положил на прилавок бумажку со списком. Тот умолк и пошёл на склад.

За витриной напротив стоял молодой приказчик и протирал суконкой стекло объектива. Он делал это методично, не торопясь, и в стекле отражался весь торговый ряд - перевёрнутый, чуть дрожащий, как на матовом стекле камеры при наводке. Корнилов смотрел. Елизавета смотрела в такие же объективы. Что она хотела поймать?

- Вот, извольте. - Хозяин вернулся с пакетом. - Две дюжины пластинок, кассета запасная, закрепитель. Прикажете доставить?

- Нет. - Корнилов сунул пакет под мышку. - Скажите, у вас берут пластинки для проявки дома? Барышни, студенты?

Хозяин поджал губы. Помолчал.

- Берут. Нынче это модно. Каждый второй - фотограф.

- Барышня Серпеева бывала?

Пенсне качнулось.

- Позвольте, вы из полиции?

- Нет. - Корнилов достал визитную карточку. - Частный дознаватель. Действую по поручению князя.

Хозяин изучил карточку, сложил губы трубочкой.

- Бывала. Раз в две недели, примерно. Брала много пластинок - тридцать, сорок. Пластики наличными. - Он снял пенсне, протёр стекло большим пальцем. - Сегодня узнал из газет. Жалко. Молодая.

- Что ещё брала?

- Проявитель. Закрепитель. Красный фонарь для тёмной комнаты. - Хозяин помедлил. - Однажды - бутылку бромистого калия. Говорила, для ванны проявления. Но бромистый калий - это большие объёмы.

- Кто-нибудь приходил вместе с ней?

- Нет. Всегда одна. - Пенсне снова качнулось. - Только раз видел - ждал на улице какой-то человек. Я в окно видел. Высокий, в шинели. Не заходил. Просто ждал.

- Когда это было?

Хозяин наморщил лоб.

- Недели три назад. Может, четыре.

Корнилов взял пакет, кивнул и вышел.

Фонари на Мясницкой зажгли раньше четырёх - каждый освещал только брусчатку под собой, промежутки между ними оставались тёмными. Корнилов шёл медленно, перекладывал пакет из руки в руку. Человек в шинели. Не заходил. Просто ждал. Он переложил пакет в левую руку, засунул правую в карман. Это - не покупатель и не любопытный. Это - тот, кто знал: Елизавета приходит сюда одна.

Лаборатория Кадра светилась сквозь щели в ставнях. Корнилов постучал по-своему - трижды, с паузой. Дверь открылась сразу.

- Заходи тихо. - Кадр пропустил его внутрь. - Я как раз в проявке.

В комнате пахло едким сероводородом и сладковатым уксусным духом фиксажа. Из ванночки - редкие капли на фаянс, скрип стекла о дно. На белой кафельной стене - зеленоватый отсвет: глаза привыкли к красному фонарю и теперь видели всё со смещением. Кадр склонился над ванночкой - осторожно, как жонглёр с чужим реквизитом.

- Держи пластинки. - Корнилов поставил пакет на табурет.
- Потом. - Кадр не обернулся. - Смотри.

Корнилов подошёл. В ванночке медленно проступало изображение. Эмульсия держалась только с одной стороны - контуры двоились, но плечи и ткань сюртука на одной из фигур читались отчётливо. Кадр взял пластинку за самый край - большим и указательным - и уложил на сушку. Поднёс Корнилову свечу.

- При красном не разберёшь. Смотри так.

Корнилов поднял пластинку к свечному огню. Несколько человек за столом. Стол накрыт, на нём - что-то вроде бумаж. Лица почти не различимы. Но один человек стоял впол-оборота - силуэт чёткий.

- Это мужчина, - сказал Корнилов.

- Мужчина. И судя по плечам - не бедный. Сюртук хороший. Стоит так, будто привык, чтобы на него смотрели.

- Можно разглядеть лицо?

- Нет. - Кадр взял второй осколок - крошечный, с ноготь. - Слишком пострадала. Но вот что интересное. Смотри на угол.

Корнилов взял осколок. Кадр поднёс свечу ближе. Угол пластинки - и там, в нижнем правом, еле видимые цифры. Карандашом по стеклу, мелко: «18/XII 1900».

- Дата, - сказал Корнилов.

- Восемнадцатое декабря. За день до пожара. - Кадр отставил свечу. - Елизавета снимала это накануне. Потом кассета оставалась в аппарате. Когда пошёл огонь, пластинки лопнули. Но рамка выдержала.

- Значит, аппарат был на столе.

- На столе. И работал. - Кадр поднёс папиросу к губам, учуял проявитель и убрал - смешивать не стоило. - Знаешь, что это значит?

- Она не ждала огня.

- Именно. Снимала ещё накануне, убрала кассету, думала продолжить. А утром - уже не вышло.

Корнилов отложил осколок. Провёл пальцем по краю рамки - металлические уголки, гладкие, не деформированные. Огонь дошёл до стола, но не сразу. Пластинки лопнули от жара, рамка устояла.

- Значит, стол горел не первым, - сказал он.

- Нет. - Кадр прислонился к стене, скрестил руки. - Стол горел вторым. Пламя пришло снизу, со стороны входа, и поднялось. Пластинки занялись в тепловой зоне - до того, как огонь дошёл до столешницы.

- А тело у восточной стены.

- У восточной стены. И если лампа там опрокинулась - значит, дым пошёл от входа к восточной стене, отрезал её. Она не успела добраться до двери.

- Или не пыталась, - тихо сказал Корнилов.

Кадр посмотрел на него.

- Это ты к чему?

- Пока ни к чему. - Корнилов поднял пакет с пластинками. - Ещё что-нибудь с оплавленного осколка?

- Нет. Всё, что можно было, я уже взял. - Кадр помолчал. - Лёш. Я понимаю, что ты думаешь. Но пока у тебя - размытые силуэты, дата и открытый бидон. Это не улика. Это - направление.

- Этого достаточно.

- Нет. - Кадр поднял палец. - Этого достаточно, чтобы не спать. Недостаточно, чтобы идти к Серпееву.

Корнилов надел пальто. Кадр снял с полки небольшую коробку, протянул.

- Возьми. Там оттиск с первого негатива - портрет, что я снял ещё ночью. Елизавета, семейный снимок с деловых бумаг. Нашёл в бумагах, которые Агафья отдала - помнишь, говорила, что убирала флигель до пожара?

- Агафья не говорила, что убирала флигель.

Кадр прищурился.

- Вот как. А мне сказала - когда я попросил её принести воды и она разговорилась. Между прочим, добровольно. - Он пожал плечами. - Ключница убирала флигель утром семнадцатого. В тот день, когда принесла керосин. По её словам, пластинки тогда уже лежали на столе. Но аппарат стоял на другом месте - у окна, а не у стола.

Корнилов остановился.

- У окна?

- У окна. Накануне пожара кто-то переставил аппарат к столу.

- Сама Елизавета.

- Может, сама. Может, нет.

Корнилов взял коробку. Кадр протянул её, глядя выжидающе.

- Снимок посмотри при хорошем свете. - Кадр кивнул на коробку. - Там Елизавета на фоне рабочего стола. Молодая совсем. Но вот что интересное: за её плечом на полке стоят два аппарата. Один - тот самый, что нашли на столе после пожара. А второй - я его во флигеле не видел. Ни до, ни после.

Корнилов открыл коробку. Оттиск был контрастный, чёткий: Елизавета сидела вполоборота, смотрела не в объектив, а куда-то в сторону. Лицо серьёзное. За её плечом - полка с книгами, реторта, два аппарата. Один - знакомый по обломкам на пепелище. Второй - другой конструкции, меньше, с более коротким мехом.

- Дорогой? - спросил он.

- Очень. Немецкий. Таких в Москве - раз-два и обчёлся.

Корнилов закрыл коробку.

Второй аппарат. В пепелище его нет. Унести из горящего флигеля что-то мог только тот, кто был там в момент пожара или сразу после. До того, как пожарные позволили войти.

- Завтра утром мне нужен список всех, кто входил во флигель между пожаром и утренним осмотром полиции, - сказал Корнилов. - Твои снимки пепелища охватывают весь пол?

- Весь. Я старался.

- Покажи, где стоял второй аппарат. По снимку.

Кадр достал из папки несколько отпечатков. Они склонились над ними. Полка - у северной стены. Остатки полки - обугленные доски, металлические скобы. Но на полу под ней, где должны были лежать обломки, - только зола. Скобы одни.

- Его сняли, - сказал Корнилов.

- Или Елизавета унесла сама.

- Куда унесла?

Кадр пожал плечами.

- Вот это и есть вопрос, - сказал он негромко.

Корнилов взял оттиск и коробку. Попрощался кивком. Вышел на Мясницкую. Мороз за вечер окреп. Вдали бубенцы конки - редкие, уже затихающие. От перекрёстка несло наво-

зом и дымом сырых дров. Корнилов пошёл пешком, правая рука в кармане нащупывала углы коробки.

Человек в шинели. Аппарат, которого нет. Агафья, убравшая флигель утром семнадцатого. Три недели назад Елизавета приходила в фотографический отдел одна - и кто-то ждал снаружи.

Тот, кто взял аппарат, знал, что именно на нём было снято. Знал Елизавету не понаслышке.

Корнилов шёл. Коробка в кармане. Углы коробки острые.

Глава 4. Тайные негативы

Глава 4. Тайные негативы

Кадр разложил снимки прямо на полу.

Не на столе, не на полке - на полу, выстроив их в три ряда по шесть штук. Встал над ними на одной ноге, опираясь на костыль, и долго молча смотрел сверху вниз.

- Восемнадцать штук, - сказал он, когда Корнилов вошёл. - Из тридцати двух. Остальные - в золе. Я полночи убил на эти восемнадцать.

- Тебе заплатят.

- Мне неинтересны деньги. - Кадр покосился. - Мне интересно, что она снимала.

Корнилов снял пальто. Повесил на крюк у двери, где уже висел кадровский тулуп - тяжёлый, дублённый, с запахом лошади. Печь гудела с ночи, железная дверца постукивала от тяги. Корнилов переступил порог и тут же закашлялся - сероводородом ударило сильнее обычного. Присел на корточки над снимками.

Первый ряд - портреты. Мужчины и женщины, явно не семейные: позы свободные, без той скованности, с которой москвичи садятся перед объективом в ателье. Женщина в меховой накидке - накидка сдвинута с плеча, рука лежит на колене свободно, уголки рта опущены. Усталость. Художник - кисть зажата в пальцах, так и не выпустил, пока его снимали, - снят у окна, на фоне холста. Ещё один - пожилой, в потёртом сюртуке, трубка в зубах, уголки губ чуть подняты.

- Богема, - сказал Кадр. - Художники, литераторы. Снимала, судя по всему, у них дома - видишь, за спиной у каждого своя обстановка. Не студия.

- Значит, они её знали.

- Или впустили незнакомую барышню с аппаратом. - Кадр пожал плечами. - Богема впускает всех.

Второй ряд был другим. Те же типы - мужчины, женщины, - но снятые иначе. Не у окна и не в кресле. В полутьме, при свече или лампе - тени резкие, лица выхвачены из темноты. Несколько снимков - явно на улице, ночью, с длинной выдержкой: фигуры слегка смазаны, фонарный столб позади чёткий, человек перед ним - будто призрак.

- Это она снимала тайно? - спросил Корнилов.

- Некоторые - точно. Вот смотри. - Кадр ткнул костылём в один из снимков, не касаясь. - Человек смотрит не в объектив. Не знал, что его снимают. А вот этот - смотрит прямо, но его застали врасплох. И выдержка короткая - видишь, резкость хорошая, хотя свет слабый. Она использовала магний.

- В помещении?

- В помещении. Вспышка, дым, грохот - и готово. Либо они привыкли, либо не успели понять, что случилось.

Корнилов поднял один снимок. Мужчина лет пятидесяти за столом, заваленным бумагами. Лицо умное, жёсткое. На столе - бутылка, стакан. Мужчина смотрел правее объектива - знал, где стоит Елизавета, и намеренно не смотрел туда.

- Кто это?

- Без понятия. - Кадр присел рядом, опираясь на костыль. - Но бумаги на столе - видишь? Там что-то написано. Я под лупой смотрел - не разобрать. Но бумаги официальные. Гербовые, кажется.

Корнилов отложил снимок. Взял следующий. Снова незнакомое лицо. И ещё одно. Елизавета знала, где встать, чтобы не попасть в отражение, - это видно по углу каждого снимка. Навык.

- Третий ряд, - сказал Кадр. Голос у него стал другим.

Корнилов передвинулся.

Третий ряд был меньше - всего четыре снимка. Первый: стена. Обычная оштукатуренная стена, на ней - рисунок. Корнилов взял снимок, поднёс ближе. Круг, разделённый на четыре части, в каждой - символ. Не буквы. Что-то похожее на алхимические знаки.

- Ты знаешь, что это? - спросил он.

- Нет. - Кадр потёр ухо. - Но так не рисуют просто так. Это не декор. Это - знак для тех, кто понимает.

Второй снимок - та же стена, другой угол. Теперь видно: помещение с низким потолком. Свечи. Несколько фигур спиной к объективу - стоят полукругом. Лиц не видно. Руки опущены, никто не жестиккулирует. Кто-то ведёт, остальные слушают.

- Обряд? - сказал Корнилов.

- Или собрание. - Кадр взял снимок, поднёс к лампе. - Одеты обычно. Сюртуки, один в рясе - вон, видишь, край рясы справа. Не простолюдины. И не актёры - позы не театральные.

Третий снимок: та же комната, теперь крупнее - стол в центре, на столе что-то лежит. Не разобрать что. Возможно, книга. Возможно, бумаги.

Четвёртый снимок Корнилов взял последним.

Он был смазан - длинная выдержка, кто-то двигался. Но в левом углу, чётко - лицо. Мужчина смотрел прямо в объектив. Взгляд прямой, упрямый. Складка у рта - горизонтальная. Лицо незнакомое.

- Этот знает, что его снимают, - сказал Корнилов.

- Или узнал в последний момент. - Кадр помолчал. - Знаешь, что мне в этом не нравится?

- Говори.

- Три первых снимка из третьего ряда она, судя по всему, проявляла сама. Видишь - плотность эмульсии другая, проявитель другой концентрации. Я бы так не сделал, но у неё своя рука была. А вот четвёртый - проявлен иначе. Как первые два ряда. То есть либо она изменила технику, либо четвёртый снимок проявлял кто-то другой.

Корнилов поднял четвёртый снимок, посмотрел на просвет.

- Ещё раз: три первых из ряда - она проявляла сама?

- Три первых из третьего ряда - да. Берегла. Не хотела, чтобы видел кто-то посторонний. - Кадр побарабанил пальцами по костылю. - У неё в лаборатории было отдельное место для таких пластинок - я нашёл остатки упаковки. Чёрная бумага, обернута вдвойне. Это не небрежность. Это - намеренное хранение.

- А четвёртый?

- Четвёртый либо случайно попал в общую партию, либо кто-то специально его туда подложил.

Корнилов опустил снимок. Встал. Прошёлся до окна - ставни закрыты, сквозь щель тянуло морозом и печным дымом с улицы. Часы на полке тикали. В лаборатории не было ничего лишнего - только тиканье, запах проявителя и восемнадцать снимков на полу.

- Ты сказал, из тридцати двух удалось восстановить восемнадцать. Остальные - в золе.

- Да.

- Откуда тридцать две?

Кадр поскрёб затылок.

- Я нашёл их в разных местах. Часть - в тайнике, который ты не видел. У северной стены, под половицей. Там не всё сгорело - пол там толстый был, дубовый. Пластинки лежали в жестяной коробке. Коробка деформировалась, но часть пластинок выжила.

- Ты нашёл тайник. - Корнилов повернулся. - И не сказал мне вчера.

- Вчера я ещё не знал, что там. - Кадр возился с застёжкой папки, пальцы работали ровно.

- Я ночь потратил на проявку. Теперь знаю.

- Городовой видел, как ты нашёл тайник?

- Нет. Городовой в тот момент ходил греться к воротам. - Пауза. - Я специально подождал. Корнилов смотрел на него несколько секунд. Застёжка щёлкнула. Кадр поднял папку, проверил тесьму.

- Хорошо, - сказал Корнилов наконец.

- Я знал, что ты скажешь «хорошо», - ответил Кадр. - Ты всегда говоришь «хорошо», когда я делаю что-то не вполне законное.

- Потому что ты делаешь это умело.

- Это единственный критерий, которым ты пользуешься.

- Есть и второй: результат.

Кадр усмехнулся - коротко, без веселья.

- Тогда смотри на результат. - Он кивнул на четыре снимка третьего ряда. - Елизавета снимала что-то, что тщательно прятала. Три пластинки она проявляла сама - значит, не доверяла никому. Четвёртый - чужой или подброшенный. В тайнике под полом. Это не любительское увлечение и не художественные эксперименты.

- Это доказательства.

- Или приговор.

Корнилов подобрал четыре снимка третьего ряда, завернул в чёрную бумагу.

- Мне нужно найти это помещение. Со стеной и символами.

- Ищи. Москва большая. - Кадр начал собирать остальные снимки в папку. - Но я бы начал не с помещения.

- С чего?

- С рясы. - Кадр закрыл папку. - На втором снимке - край рясы. Правый угол. Если это не декорация и не маскарад - там был священник. А священники в Москве наперечёт. Тем более такие, что ходят на ночные собрания с алхимическими символами на стенах.

Корнилов надел пальто. Взял свёрток со снимками.

- Оригиналы у тебя, - сказал он. - Никому.

- Само собой. - Кадр проводил его до двери. - Лёш. Один вопрос.

- Да.

- Она знала, что рискует?

Корнилов взялся за ручку двери.

- Те, кто прячет пластинки под половицу и проявляет их в одиночку, - знают.

Он вышел. На Мясницкой было светло илюдно - утро раскочегарилось, извозчики переругивались у перекрёстка, из пекарни напротив несло горячим хлебом. Корнилов на секунду остановился. Огляделся - без цели, по привычке. Пошёл дальше. В голове крутилось одно: ряса. Чёрный край рясы в правом нижнем углу снимка. В Москве немного людей, что ходят ночью на такие собрания и остаются в рясе. Священник, которому не нужно прятаться, - это либо очень важный человек, либо очень опасный. Корнилов шёл и думал: скорее всего, и то и другое сразу.

Глава 5. Студент и сарай

Глава 5. Студент и сарай

Пётр Серпеев оказался в конюшне. Конюх Степан, завидев Корнилова, указал молча на боковую дверь и отвернулся. Дверь была приоткрыта - сквозь щель тянуло навозом, сеном и табачным дымом.

Корнилов вошёл.

Студент сидел на перевёрнутом ведре у стойла и курил дешёвую папиросу - из тех, что продают в бумажных пачках по копейке. Лошадь в стойле жевала сено и не обращала на него никакого внимания. Пётр был лет двадцати двух, темноволосый, с жёсткой складкой у рта - отцовской. Китель студенческий, но без пуговиц на двух петлях. Сапоги грязные.

- Вы из полиции, - сказал Пётр.

- Нет.

- Тогда из охранки.

- Тоже нет. - Корнилов закрыл дверь, встал у косяка. - Корнилов. Частный дознаватель.

Нанят вашим дедом.

Пётр затаился и выпустил дым в сторону лошади. Та фыркнула.

- Дедом. - Он усмехнулся коротко. - Значит, работаете на него. Значит, можете идти.

- Могу. - Корнилов не двинулся с места. - Но тогда вы не узнаете, что я нашёл во флигеле.

Пауза. Пётр снова затаился. Лошадь переступила.

- Что вы нашли?

- Снимки.

Ничего не дрогнуло в лице студента. Только папироса замерла на полсекунды.

- Снимки у дознавателей обычно конфискуют.

- Обычно. Я необычный.

Пётр поднял глаза. Смотрел пристально, не мигая.

- Что за снимки?

- Вот это меня и интересует, - сказал Корнилов. - Вы знали, чем занималась Елизавета Ивановна в последние месяцы?

- Фотографией.

- Подробнее.

Пётр бросил окурочек в навоз, придавил сапогом.

- Снимала людей. Много. Подряд всех - художников, студентов, всяких. Говорила: «Москва умирает, хочу сохранить лица». - Он встал, перекинул ногу через ведро. - Романтические глупости.

- А про другие снимки не рассказывала?

- Какие другие?

Корнилов смотрел на него ровно.

- Ночные. В закрытых помещениях. С людьми, которые не знали, что их снимают.

- Нет.

- Не рассказывала или вы не спрашивали?

- Не спрашивал. У Лизы были свои дела, у меня - свои. - Он отошёл к стойлу, потрепал лошадь по морде. Лошадь мотнула головой. - Мы жили в одном доме, но это не значит, что разговаривали.

- С дедом тоже не разговаривали?

Рука на морде лошади остановилась.

- С дедом я вообще не разговариваю. Если вы это имеете в виду.

- Почему?

Пётр обернулся. Желваки на скулах заходили. Голос он сдержал ровный.

- Потому что я знаю, что он такое. И он знает, что я знаю. И нам обоим так удобнее.

- Что он «такое»?

- Пережиток, - отрезал Пётр. - Человек из прошлого века. Буквально. - Он пнул ведро ногой - оно покатило к стене, звякнуло о доски. - Ему принадлежат две фабрики в Подмосковье. Знаете, как он обращается с рабочими? Я был там. Видел.

- Это не убийство.

- Нет. Убийство - другое.

Пётр замолчал. Прикусил угол рта.

- Что вы имеете в виду? - спросил Корнилов негромко.

- Ничего. Оговорился.

- Вы не из тех, кто оговаривается.

Студент молчал. За стеной конюшни скрипнула калитка - кто-то вошёл во двор. Пётр покосился на дверь.

- У меня нет времени.

- Найдите.

- Послушайте. - Пётр повернулся к нему резко. - Вы наняты дедом. Дед хочет «сохранить честь семьи». Это значит - замаять всё, что можно замаять. Я не собираюсь помогать ему в этом через вас.

- Я спросил о Елизавете Ивановне, - сказал Корнилов. - Не о деде.

Пауза была длиннее предыдущих.

- Лиза была умнее всех нас, - сказал Пётр, уже тише. - Умнее деда, умнее меня. Она видела, что происходит, и не молчала. В отличие от некоторых. - Последние слова он проговорил в сторону. - Что ещё вы хотите знать?

- Есть ли у неё знакомые из духовного звания?

Пётр посмотрел на него - с недоумением, затем с насторожённой.

- Из каких?

- Священники. Монахи. Странствующие старцы.

- Откуда мне знать всех её знакомых.

- И всё же.

Студент подумал, поджав губы.

- Был один. Я не знаю его имени. Лиза называла его «отец такой-то», я не запомнил.

Приходил раза три, осенью. Дед его принимал - не Лиза.

- Опишите.

- Пожилой. Борода седая, ухоженная. Глаза светлые, смотрит холодно, оценивающе. -

Пётр остановился. - Будто он всё уже про тебя решил, а ты ещё нет.

- Он приходил к деду по делу?

- Дед всех принимает по делу.

- А Елизавета его знала?

- Кивала при встрече. Не больше. - Пётр пожал плечами. - Но один раз я видел, как она смотрела ему вслед. Долго. Я тогда подумал - интересно ей.

«Интересно. Или важно». Корнилов не сказал этого вслух. Вместо этого:

- Можно посмотреть сарай?

Пётр прищурился.

- Зачем?

- Хочу знать, что хранила Елизавета Ивановна вне флигеля.

- Она не хранила ничего в сарае. - Быстро. Слишком быстро.

Корнилов посмотрел на него.

- Тогда вы не против, если я загляну.

Студент не ответил. Он стоял, не двигаясь - руки в карманах, лицо закрытое. Лошадь за спиной переступала в стойле. Прошло три секунды. Пять.

- Идите, - сказал Пётр.

Сарай стоял в глубине двора, у кирпичной стены. Замок на двери был новый. Корнилов оглянулся. Пётр вышел из конюшни и стоял в десяти шагах, с видом человека, который хочет уйти, но не уходит.

- Ключ у вас?

Пётр достал из кармана, бросил - точно, без предупреждения. Металл звякнул о перчатку. Корнилов поймал, открыл замок.

В сарае пахло сырым деревом, ружейным маслом и ещё чем-то - кислым, резким. Типографской краской - ввевшейся в доски, застарелой. Корнилов постоял у порога, пока глаза привыкали к полутьме. Сани в углу. Ящики с инструментом. Старая упряжь на крюке. У северной стены, накрытые рогожей, - несколько стоп бумаги.

Он приподнял рогожу. Из-под неё пахнуло острее - свежий отгиск.

Листовки. Плотная стопка, полсотни штук. Отпечатаны на ручном станке - буквы неровные, местами смазаны. Заголовок сверху: «Рабочим Москвы». Подписи нет. Корнилов прочёл первый абзац - этого хватило. Язык прямой, без книжного излишества - кто-то умел писать так, чтобы читали вслух в трактире.

Он опустил рогожу. Повернулся.

Пётр стоял в дверях.

- И давно? - спросил Корнилов.

- Что «давно»?

- Листовки.

Пётр прислонился плечом к косяку.

- С октября.

- Вы один или есть ещё?

- Есть.

- Из студентов?

- Разные, - процедил Пётр. - Не только студенты.

Корнилов кивнул.

- Елизавета Ивановна знала?

- Знала. - Пётр смотрел на него прямо, в лице сквозила усталость. - И что теперь?

- Ничего, - сказал Корнилов. - Я не из охраны. Я ищу, кто убил вашу сестру.

- Убил, - повторил Пётр. - Значит, вы не верите в лампу.

- Нет.

Студент замолчал. Веко дрогнуло, и лицо медленно расслабилось, утратив то напряжение, что держалось последние полчаса.

- Дед, - сказал он наконец. - Это дед.

- На чём основано?

- Он такой человек.

- Этого мало.

- Я знаю, что мало. - Пётр ударил кулаком по косяку - несильно. - Лиза что-то нашла на него. Я не знаю что. Она не говорила - говорила, что опасно. А потом...

Он не закончил.

- Когда вы с ней говорили последний раз? - спросил Корнилов.

- Шестнадцатого. За два дня. Мы поспорили. Я хотел, чтобы она уехала. Она не хотела. Говорила: «Я не уеду, пока не закончу».

- Что не закончит?

- Не сказала.

Корнилов вышел из сарая. Навесил замок - незапертый, просто накинул душку. Вернул ключ Петру. Тот взял его, сжал в кулаке, не убирая.

- Вы скажете деду? - спросил студент.

- Про листовки?

- Да.

- Нет.

Пётр хмуро посмотрел на него - изучающе.

- Этот священник, - сказал Корнилов. - Он приходил издалека или жил где-то по соседству?

- Издалека. Пешком - без экипажа. Дед его провожал сам, без лакея.

- Приходил в одно время?

- По утрам, кажется. Да - по утрам. Я видел его, когда шёл на занятия.

Корнилов застегнул пальто.

- Если вспомните имя - пришлите записку. - Он протянул карточку с адресом на Средней. - Через посыльного.

Пётр посмотрел на карточку.

- А если не вспомню?

- Тогда не присылайте.

Он пошёл к воротам. У калитки - не останавливаясь, через плечо:

- Пётр Иванович. Листовки перепрячьте. Не в сарай - в сарай уже заходили без вас.

За спиной - секунда тишины, потом торопливые шаги по снегу к сараю.

Корнилов вышел на Покровку.

Студент-революционер с нелегальной литературой и ненавистью к деду. Мотив у него есть - но не тот. Таким убивают на баррикаде, не в ночи с керосином. Пётр знал, что Елизавета что-то нашла на князя, но что именно - не знал. Или говорил, что не знал. Разницы пока нет: оба они в этом деле пока бродили в потёмках.

Священник приходил по утрам. Пешком. Без экипажа. В Москве немного приходских священников, которых князь Серпеев провожает сам, без лакея.

Корнилов свернул на Мясницкую. Нужно было навестить Кадра - и взять церковный справочник. Такие издавались ежегодно: все московские приходы, все настоятели, все священнослужители. Страниц четыреста убористой печати - и где-то среди них одно нужное имя.

Глава 6. Кокотка, которая боится

Глава 6. Кокотка, которая боится

Церковный справочник оказался бесполезным.

– Здесь перечислены все московские приходы, – сказал он, – все настоятели, все дьяконы, все псаломщики и один звонарь, который почему-то удостоился отдельной строки. Но странствующих старцев нет. Потому что странствующие старцы – они на то и странствующие.

– Дай сюда.

Корнилов взял справочник. Пролистал треть – методично, не торопясь. Кадр в это время возился у полки, переставляя склянки с реактивами без всякой видимой цели.

– Лёш. Можно я скажу умную вещь?

– Попробуй.

– Священник, который приходит к князю без экипажа и без лакея – это либо очень бедный, либо очень тайный. Бедных священников в Москве хватает, но их дед Серпеев сам бы не провозжал. Значит, тайный. А тайных в справочнике не пишут.

Корнилов закрыл справочник. Положил на полку.

– Это я и без тебя понял.

– Тогда зачем двадцать минут листал?

– На всякий случай. Вдруг ошибся.

Кадр ухмыльнулся, довольный.

– Значит, нужен другой путь к рясе.

– Нужен другой путь к снимкам. – Корнилов взял папку с отпечатками первого ряда – богема. – Я знаю лица. Мне нужны имена. Из имён – адреса. Из адресов – кто знал Елизавету достаточно близко, чтобы она снимала их дома.

Кадр поправил очки – он надевал их только при работе, в остальное время держал в кармане, как записку.

– Художников я знаю. Или почти знаю. – Он взял один отпечаток, поднёс к лампе. – Вот этот – с кистью. Если не ошибаюсь, Николай Прохоров, пишет в мастерской на Арбате. Я его снимал года три назад для журнала «Нива». Он тогда ещё был в бороде.

– Теперь без?

– Теперь с эспаньолкой. – Кадр отложил снимок. – Остальных не узнаю. Но есть человек, который узнает.

– Кто?

– Варвара Степановна Рогова. – Кадр произнёс это с особенной интонацией, как называют погоду. – Живёт в Хитровском переулке, дом три. Я её фотографировал года два назад – она тогда пробовалась в опереточную труппу. Не взяли. Осталась при другом занятии.

– Она знала Елизавету?

– Не знаю. Но она знает всех в московской богеме. Потому что богема – её клиенты. – Кадр снял очки, убрал в карман. – Я бы сам ходил, но она меня не жалуёт. Говорит, что я снял её некрасиво. А я снял честно, что одно и то же.

Корнилов взял папку со снимками. Поднялся.

– Ты идёшь.

– Не жалуёт – это мягко.

– Зато она жалуёт деньги. – Корнилов застегнул пальто. – И ты умеешь разговаривать с женщинами.

– Это правда, – согласился Кадр без ложной скромности. – Хорошо. Но за щами с мозгами – это уже твоя очередь.

На Хитровку они добрались к вечеру. Сани брать не стали – переулок был слишком узким, да и незачем светиться. Шли пешком по Солянке, потом свернули в переулок, где фонарей не было. Кадр шёл справа. У него выработалась особая походка: чуть вперевалку, но быстро.

– Ты бывал здесь раньше? – спросил Корнилов.

– В цирке платили мало, – ответил Кадр. – Приходилось искать заработок. – Он помолчал. – Это было давно. Теперь здесь хуже.

Дом номер три был деревянным – в два этажа, с просевшим крыльцом. Из-за двери на первом этаже слышались голоса – женский и мужской, оба усталые, без интонаций. Потом мужской замолчал. Потом хлопнула внутренняя дверь.

Кадр постучал особым образом – четыре удара с паузой посередине.

Открыла не Варвара. Открыла девочка лет двенадцати в большом платке, завязанном поверх пальто. Посмотрела на Кадра, потом на Корнилова, потом снова на Кадра.

– Тётя Варя занята.

– Мы подождём, – сказал Кадр. – Скажи, что Аркадий Кадомцев пришёл. Она знает.

Девочка захлопнула дверь. Из-за неё снова голоса – теперь женский один, что-то короткое и резкое. Потом шаги.

Варвара открыла сама. Лет тридцати пяти, не меньше. Скулы широкие, брови прямые – лицо, которое запоминают не сразу, но потом не путают. Тёмные волосы убраны наспех – одна прядь выбилась. Тёплый платок на плечах поверх домашнего платья. Родинка под левым глазом – в форме запятой.

– Кадомцев, – сказала она. Без вопроса, без удивления – просто обозначила факт присутствия.

– Варвара Степановна. – Кадр приподнял шляпу. – Мы ненадолго.

– Вы всегда ненадолго. – Взгляд переехал на Корнилова. – Этот кто?

– Алексей Васильевич Корнилов. Частный дознаватель. По делу, которое вас касается.

– Меня ничто не касается.

– Тогда мы поговорим на улице, – сказал Корнилов. – В двадцать градусов мороза. Это ваш выбор.

Варвара посмотрела на него секунду. Молча посторонилась.

Комната была маленькой, тёплой – печка гудела в углу, на ней стоял чайник. Пахло жжёным сахаром и дешёвыми духами – сладкими, с примесью скипидара, какие продают в галантерее без названия на флаконе. Кошки не было видно, но где-то за сундуком она возилась – слышно было, как шуршит по полу. На столе – стакан с остывшим чаем и шитьё, брошенное на середине.

Варвара села на стул у печки. Руки положила на колени.

– Что за дело.

Корнилов достал из папки два отпечатка – из первого ряда, богемного. Положил на стол перед ней.

– Вы знаете кого-нибудь на этих снимках?

Варвара взяла первый. Посмотрела – не торопясь, но и не затягивая. Положила.

– Нет.

– Посмотрите внимательнее.

– Я смотрела внимательно. – Она взяла второй снимок. Уголок рта чуть напрягся – узнавание.

– Вот этого знаете? – спросил Корнилов.

– Нет.

– Варвара Степановна, – сказал Кадр без нажима, – нас интересует не этот человек. Нас интересует девушка, которая его снимала. Елизавета Серпеева. Слышали это имя?

Пауза. Чайник на печке дрогнул – вода закипала, крышка начала постукивать.

– Слышала, – сказала Варвара. – В газетах писали. Пожар.

– Вы её знали лично? – спросил Корнилов.

– Нет.

– Она не снимала вас?

– Нет.

Три «нет» подряд – одинаковой интонации. Как отрепетированные.

– Странно, – сказал Кадр задумчиво, разглядывая потолок. – Потому что у нас есть снимок, на котором вы. – Это была ложь. Спокойная, профессиональная. Корнилов не повёл бровью.

Варвара не дёрнулась. Только пальцы на колене медленно разжались.

– Какой снимок.

– Портрет. Очень хороший, кстати. – Кадр посмотрел на неё с искренним уважением фотографа. – Она умела снимать людей. Вы на нём себе нравитесь, уверен.

– Покажите.

– Не сейчас, – сказал Корнилов. – Сначала ответьте: вы её знали?

Долгая пауза. Чайник уже кипел по-настоящему – крышка подпрыгивала, пар шёл над носиком. Варвара встала, сняла его с печки, поставила на подставку. Делала это медленно, спиной к ним.

– Видела несколько раз, – сказала она наконец, не оборачиваясь. – Она приходила к одному человеку. Я там бывала. Мы пересекались.

– К кому приходила?

Варвара обернулась. Она плотнее запахнула платок, хотя в комнате было тепло.

– Не скажу.

– Почему? – спросил Корнилов.

– Потому что это не ваше дело.

– Елизавета Серпеева мертва. Это моё дело.

– Она мертва, – повторила Варвара. – Значит, ей уже не поможешь. – Она снова села, взяла шитьё. Пальцы проделали нить в иглоу с первого раза. – А мне ещё жить.

– Вы кого-то боитесь? – спросил Корнилов прямо.

– Никого, – сказала Варвара. Голос ровный. Игла вошла в ткань.

– Этот человек – он знает, что вы пересекались с Елизаветой?

Игла остановилась.

– Идите, – сказала Варвара. – Пожалуйста.

Корнилов поднялся. Кадр взял шляпу со стола.

– Варвара Степановна, – сказал Корнилов у двери. – Если надумаете – вот адрес. – Он положил на стол карточку. – Через посыльного, если не хотите сами.

Варвара не подняла головы. Шила.

На улице Кадр сразу достал папиросу. Закурил, пряча огонь в горсти от ветра. Дым на морозе расходился мгновенно.

– Она знает, – сказал он.

– Знает.

– И не скажет.

– Пока не скажет. – Корнилов шёл, не замедляя. – Страх держится, пока держится причина бояться. Изменится причина – изменится и молчание.

– Оптимистично.

– Реалистично.

Они вышли из переулочка на Солянку. Фонари горели, под ногами – брусчатка вместо льда. Кадр сразу заговорил – здесь было можно.

- Лёш. Она узнала снимок. Второй.
- Я видел.
- Это не богема. Это кто-то другой.
- Знаю.
- И этот кто-то – тот, кого она боится.

Корнилов не ответил.

Второй снимок из первого ряда – мужчина с гербовыми бумагами, смотрящий правее объектива. Варвара его знала. И не хотела, чтобы знали, что знает.

Москва гудела вечерним шумом. За поворотом – колокольный звон, короткий, к вечерне. Варвара осталась за спиной: игла в руках, имя во рту, платок на плечах в тёплой комнате. Рано или поздно страх ослабнет – и она заговорит. Корнилов умел ждать.

Глава 7. Балтийский немец

Глава 7. Балтийский немец

Прохоров принял его стоя.

Не из невежливости - просто у него не было второго стула. Единственный был завален холстами, и художник явно не собирался их убирать ради гостя. Мастерская на Арбате пахла льняным маслом, скипидаром и табаком - тем особым слоёным запахом, который накапливается годами и уже не выветривается. Когда Корнилов вошёл, Прохоров как раз тёр кисть о ветошь - машинально, не глядя, как чистят что-то, что никогда не отчистится до конца. Печь топилась, но тепла почти не давала - слишком высокий потолок, слишком много щелей в рамах.

Прохоров был лет сорока пяти. Эспаньолка - Кадр не ошибся. Пальцы в синей краске, которую не отмыть никаким скипидаром.

- Кадомцев сказал, что вы придёте, - произнёс Прохоров, не прекращая тереть кисть. -

Про Серпееву. Я её знал.

- Хорошо знали?

- Достаточно, чтобы пустить со штативом. - Он кивнул в угол, где у стены стояли собственные работы - лицом к стене, как провинившиеся. - Она снимала меня дважды. Хорошие снимки. Она умела не мешать.

- Кто ещё из ваших знакомых её знал?

Прохоров бросил ветошь на подоконник. Потёр пальцы друг о друга - синева не убывала.

- Многие. Она ходила везде. - Он помолчал. - Но если вам нужен человек, который знал её иначе - не как фотографа - то это Дорн.

- Кто такой Дорн?

- Барон Рудольф фон Дорн. - Прохоров произнёс это без особого выражения, как проносят факт, не требующий комментариев. - Балтийский немец, живёт в Москве лет десять. Коллекционирует живопись и всё прочее. Они с Серпеевой были... - он подобрал слово, - в деловых отношениях. Он финансировал её работу.

- Адрес.

Прохоров назвал. Большой Левшинский переулок, дом с колоннами. Добавил, не спрашивая:

- Он принимает по вечерам. Записываться не нужно - он принимает всех, кого считает интересными. Считает ли он вас интересным - не знаю.

- Это мы выясним, - сказал Корнилов.

Он вышел из мастерской. На лестнице пахло кошками и квашеной капустой - обычный арбатский запах, ничего художественного.

Фон Дорн принял его в восемь вечера.

Дом в Левшинском переулке был именно таким, каким его описал Прохоров: колонны, ампир, чугунные фонари у подъезда - оба горели, что само по себе было признаком достатка. Лакей - не в ливрее, в тёмном сюртуке - открыл дверь прежде, чем Корнилов успел постучать. Либо смотрели в окно, либо у барона была привычка держать прислугу у двери по вечерам. Оба объяснения говорили об одном: здесь привыкли к гостям, которых не ждут.

Кабинет на втором этаже. Корнилов вошёл - высокие стеллажи, книги в кожаных переплётах, несколько томов открыты и лежат корешком вверх, как будто их читали одновременно. На стенах живопись - небольшие форматы, тёмные, без позолоченных рам. У окна письменный стол с зелёной лампой. За столом - фон Дорн.

Лет пятидесяти пяти. Худой, прямой - сидел так, что между спиной и спинкой кресла оставался зазор в ладонь, и этот зазор не менялся за весь разговор. Волосы светлые, почти белые, коротко стриженные. На узком лице - скулы, нос с горбинкой, рот без лишних движений.

Руки лежали на столе - спокойно, симметрично. Он изучал Корнилова с холодным любопытством.

- Господин Корнилов, - сказал он. По-русски - чисто, только гласные чуть длиннее нужного. - Садитесь. Кофе?

- Нет, благодарю.

- Тогда к делу. - Фон Дорн чуть наклонил голову. - Вы пришли по поводу Елизаветы Серпеевой. Я предполагал, что кто-нибудь придёт. Удивлён, что не раньше.

- Вы её знали.

- Я её знал. - Он произнёс это без колебания. - Два года. Она пришла ко мне сама - хотела показать снимки. Я посмотрел. Она умела снимать правду, не прихорашивая её. Это редкость.

- Вы финансировали её работу.

- Я финансировал её независимость, - поправил фон Дорн. - Это разные вещи. Деньги на пластинки, на реактивы, на аренду флигеля. Она не брала просто так - она давала взамен снимки. У меня их около сорока. Хотите посмотреть?

- Потом. - Корнилов смотрел на барона. - Вы знали, что она снимала не только художников.

Фон Дорн помолчал секунду. Ровно секунду - не больше, не меньше.

- Знал.

- И не возражали.

- Я не её опекун. - В голосе - ни раздражения, ни оправдания. - Она была взрослым человеком. Она знала, что делает.

- Что именно она делала?

Фон Дорн поднялся. Прошёл к стеллажу, достал папку - тонкую, в коричневом картоне. Положил на стол перед Корниловым. Корнилов открыл.

Снимки. Не те, что он уже видел. Другие - люди за столом, несколько мужчин, официальная обстановка. На одном снимке - документ, снятый крупно: печать видна, но текст смазан.

- Она снимала политику, - сказал фон Дорн, возвращаясь к столу. - Собrania, документы, людей, которые не хотели быть снятыми. Называла это «архивом». Говорила: пусть лежит, пусть никто не знает - но пусть будет.

- Зачем?

- Она верила, что правда должна иметь форму. - Фон Дорн сел. - Слова исчезают. Снимок - нет. Наивно, возможно. Но она в это верила.

Корнилов листал папку. Лица незнакомые - кроме одного. Смутно знакомого. Он не показал этого.

- Кто эти люди?

- Часть - я не знаю. Часть - знаю, но не скажу. - Фон Дорн произнёс это без извинений. - Не потому что скрываю. Потому что это не моя тайна.

- А ваша тайна?

Барон чуть улыбнулся - едва, одним углом рта.

- У меня нет тайн от полиции. К счастью или к сожалению. - Он взял со стола портсигар, открыл, предложил Корнилову. Тот отказал. Фон Дорн закурил сам - медленно, без спешки. - Я финансировал её политические инициативы. Это правда. Она хотела предъявить нескольких людей - через снимки, через документы. Я давал деньги, потому что считал это нужным. Теперь она мертва, и я не уверен, что был прав.

- Каких людей она хотела предъявить?

- Тех, кто тратит деньги на чужие смерти. - Фон Дорн выпустил дым в сторону окна. - Конкретнее я не скажу. Не потому что боюсь - я не боюсь. Потому что конкретика без доказательств - это клевета. А доказательства были у неё. Теперь, вероятно, сгорели.

- Не все.

Фон Дорн посмотрел на него. Впервые за весь разговор - с настоящим интересом, не с оценивающим.

- Хорошо, - сказал он негромко. - Тогда, может быть, не всё потеряно.

- Где она хранила остальные материалы?

- Понятия не имею. - Ответил без паузы, не подбирая слов - так не отвечают, когда лгут.

- Она была очень осторожна. Мне показывала только то, что считала нужным.

- Был ли у неё кабинет, куда она ходила не в усадьбу?

Фон Дорн помолчал. Теперь пауза была настоящей - он что-то взвешивал.

- Был, - сказал он наконец. - Она снимала арбатский кабинет. Я помог с оплатой - она просила. Сказала, что флигель небезопасен. - Он достал из ящика стола лист бумаги, написал адрес. Протянул Корнилову. - Арбат, Сивцев Вражек, дом одиннадцать, второй этаж. Ключ был у неё. Что там сейчас - не знаю.

Корнилов взял бумагу. Спрятал в карман.

- Она говорила, что флигель небезопасен. Почему?

- Не объяснила. - Фон Дорн затушил папиросу о край бронзовой пепельницы. - Но сказала это в конце ноября. За три недели до смерти.

- Кто знал об этом кабинете?

- Я. И, полагаю, она - больше никому не говорила. Иначе бы не просила держать в тайне.

Корнилов поднялся. Фон Дорн остался сидеть - с тем же зазором между спиной и креслом.

- Последний вопрос. Вы подозреваете, кто её убил?

- Я подозреваю нескольких людей, - ответил фон Дорн ровно. - Но подозрение - не доказательство. Вы это знаете лучше меня.

- Имена.

- Нет. - Он произнёс это без нажима, как произносят окончательное решение. - Не потому что хочу скрыть убийцу. Потому что если я назову имена - и окажусь неправ - пострадают невинные. А если окажусь прав - пострадаю я. Оба варианта плохи.

- Логично, - сказал Корнилов.

- Я немец, - ответил фон Дорн. Без улыбки, без иронии.

Лакей уже ждал в коридоре - беззвучный, как тень с воспитанием.

На улице был мороз. Левшинский переулок - тихий, почти деревенский для арбатских мест. Фонарь у подъезда отбрасывал жёлтый круг на снег. Корнилов остановился у края этого круга, достал бумагу с адресом. Сивцев Вражек, одиннадцать.

Фон Дорн ни разу не солгал. Странно: люди, которым нечего скрывать, обычно говорят меньше. Барон же отвечал ровно, без лишних деталей. И адрес дал без раздумий.

Корнилов пошёл к Арбату - не к Сивцеву Вражку, это на завтра. Сегодня нужно было подумать.

Дома шахматная доска стояла нетронутой уже четыре дня. Это тоже требовало исправления.

Фон Дорн финансировал Елизавету два года и не скорбел о ней ни секунды. Коллекционер. Сорок её снимков на стеллаже - и ни тени того, что бывает, когда теряют человека, а не предмет коллекции. Либо он не терял. Либо потеря была предусмотрена заранее - как строчка в смете.

Глава 8. Алтарь и камера

Глава 8. Алтарь и камера

Он отвёл взгляд от стены. Посередине комнаты стоял стол. Не письменный - длинный, накрытый тёмной тканью. На ткани предметы расставлены с промежутками: подсвечник с трёх рожках, медная чаша с закопчённым дном, небольшая книга в кожаном переплёте без названия на корешке, несколько камней правильной формы - похожих на речные гольши, но обработанных. Корнилов взял один. Тяжёлый, тёплый - странно тёплый для нетопленной комнаты. Подержал в руке и положил обратно ровно на то место, откуда взял.

Слева у стены - что-то накрытое холстиной. Форма угадывалась сразу. Он сдёрнул холстину.

Камера. Складная, на треноге - уже установленной, направленной на стол с предметами. Мех кожаный, объектив закрыт крышкой. Кассета в держателе. Он вытащил её осторожно, придерживая за края. Тяжёлая. Пластика внутри заряженная.

Убрал кассету в карман, завернув в платок.

Потом подошёл к полке у правой стены. Стопка проявленных снимков, перевязанных бечёвкой. Взял верхний, поднёс к свече.

Те же фигуры спиной, что он уже видел в третьем ряду у Кадра. Та же комната - теперь он узнавал её по кругу на стене. Стол в центре кадра. Но на этом снимке одна подробность, которой прежде не было: свечи горели, и в их свете на столе лежал документ с печатью в правом нижнем углу.

Корнилов взял следующий снимок. Двое повернулись вполоборота - силуэты другие, не богема, не студенты. Плечи развёрнуты, голова держится прямо. Осанка людей, привыкших занимать место, а не искать его.

На третьем снимке - документ крупно. Печать читалась: орёл, под ним текст, но смазан. Не случайно - выдержка правильная, резкость на печати есть. Сам текст прикрыт при съёмке. Намеренно. Тот, кто снимал, хотел зафиксировать факт документа - не его содержание.

Три снимка Корнилов забрал. Остальные перевязал бечёвкой, положил стопкой на прежнее место.

Он вернулся к столу. Взял книгу в кожаном переплёте. Кожа была тёплой - как тот камень, - и пахла не пылью, а чем-то вощёным, как новый сапог. Открыл. Страницы плотные, рукописные, чернила тёмно-коричневые - железные, старого состава. Почерк мелкий, ровный, без нажима: так пишут люди, которые привыкли писать много и долго, у которых рука уже не устаёт. По полям - пометки другим почерком, торопливым, с нажимом. Двое работали с этой книгой.

Корнилов перелистал несколько страниц. Текст на русском, с вкраплениями латыни. Даты проставлены в верхнем углу каждого разворота - с октября по декабрь, последняя запись датирована шестнадцатым декабря. За два дня до пожара. Он запомнил первую строку последней записи, закрыл книгу и поставил точно так, как стояла.

Свеча горела ровно. Тишина стояла плотная.

Тут он услышал звук.

Не с лестницы - снаружи. Со стороны двора. Снег под сапогом - один шаг, потом ничего. Так останавливаются, когда хотят не шуметь.

Корнилов загасил свечу пальцами.

В темноте двинулся к окну - у стены, медленно, не задевая стол. Встал сбоку от рамы. Отогнул край ткани на ширину пальца.

Двор узкий, снег нетронутый. Один след вёл от арки к стене - свежий, ровный. Человек стоял прямо под окном. Корнилов не видел его, угол не позволял. Но видел пар: поднимался из-за подоконника - равномерный, неторопливый.

Потом пар исчез. Шаги к арке - быстро. Тишина.

Корнилов ждал. Считал про себя. На счёте сто восемьдесят зажёл свечу снова - не сразу, сначала прислушивался ещё полминуты.

Теперь он мог посмотреть во двор правильно. Отодвинул ткань на вершок, выглянул.

След под окном - один, входящий. Но у самой стены, там, куда он не мог видеть через щель, след делал петлю: человек прошёл вплотную к кирпичу, где снег лежал тонко, почти не оставляя отпечатка. Умелый приём - уходить по краю, где след теряется. Привычка.

Корнилов задвинул ткань обратно.

Прошёлся по комнате быстро. Холстину на камеру набросил - поправил угол, чтобы лежала так же, как до него. Снимки на полке не тронуты. Книга на месте. Свечу погасил, убрал в карман.

Вышел через парадный подъезд, не через двор.

На Сивцевом Вражке былолюдно - утро, мелкие торговцы, баба с санками, городской у перекрёстка. Корнилов прошёл мимо не торопясь. Свернул в первый переулок, остановился.

Итак. Кто-то знал, что он придёт.

Вариантов было три. Первый: за кабинетом следили постоянно - тогда наблюдатель не связан с ним лично и пришёл по расписанию. Второй: следили за ним самим - значит, слежка началась раньше, не сегодня, и он её не заметил. Это неприятно, но возможно. Третий: фон Дорн предупредил кого-то после его визита - ночью или ранним утром.

Третье проще всего проверить. Если лакей фон Дорна выходил ночью - дворник видел. Дворников Корнилов умел спрашивать.

Второе хуже. Профессиональная слежка - это либо охранное отделение, либо человек с военным опытом. Тот след у стены был слишком аккуратным для случайного соглядатая.

Кадр проявит кассету сегодня. Пусть смотрит на осанку. Богема стоит иначе, чем люди с положением. Это Кадр определит на глаз - у него глаз был поставлен ещё в цирке, где умение читать тело значило больше, чем умение читать афишу.

Пошёл на Мясницкую. Быстро - кассеты не любили тряски, а переулки здесь были кривые.

Замок на двери одиннадцатого дома по Сивцеву Вражку оказался английским - надёжный, с пружиной, рассчитанный на одного человека с ключом и на всех остальных без него.

Корнилов ключа не имел.

Зато у него был опыт из тех лет, когда судебная палата посылала его осматривать помещения прежде, чем хозяева успевали их почистить. Замок поддался за две минуты - жестяная пластинка из портсигара, немного терпения. Английские замки устроены хитро, но предсказуемо.

Дверь открылась без звука. Петли смазаны - недавно, запах масла ещё не выветрился.

Второй этаж. Узкий коридор, три двери. Нужная - крайняя справа, судя по тому, что у её порога лежала полоска пыли, стёртая с середины: дверь открывали часто, но не широко. Корнилов толкнул её плечом.

Комната была небольшой - шагов шесть на восемь, не больше. Одно окно во двор, занавешено плотной тёмной тканью. Света почти не было - узкая полоска декабрьского утра пробивалась сбоку, там, где ткань не доставала до рамы на ладонь.

Корнилов не стал открывать занавеску. Достал свечу - захватил специально. Зажёл.

Первое, что он увидел: стена напротив двери.

На ней был нарисован круг - не краской, а чем-то более тёмным, въевшимся в штукатурку. Диаметр примерно в аршин. Внутри - четыре сектора, в каждом символ. Корнилов поднёс свечу ближе. Знаки незнакомые - не букв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.